

Из комментария к роману Федора Сологуба «Творимая легенда»: ономастика и мистика в истории замысла

Существует две редакции самого крупного романа Федора Сологуба. Ранняя вышла в свет в 1907—1913 гг. в составе трех альманахов «Шиповник» под заглавием «Навьи чары»; продолжение же ее было оформлено как самостоятельное произведение — роман «Дым и пепел» — и опубликовано в двух сборниках «Земля». Поздняя редакция, роман-трилогия «Творимая легенда», была выпущена в 1914 г. в трех томах собрания сочинений¹. Работа над текстологическим комментарием трилогии обеспечена большим объемом архивного материала, относящегося к допечатной стадии истории текста и времени создания обеих редакций. В этой статье мы рассмотрим в первую очередь самый ранний этап работы писателя над произведением, причем обратим внимание на изменения, которые при своей формальной незначительности (правка одного-двух слов; небольшие, не включенные в печатную редакцию фрагменты) повлияли на смысл и могут рассматриваться как элементы истории замысла романа.

Поиск подобных случаев стоит начинать со связанных вариантов — так была названа Б. В. Томашевским правка, которая ведет за собой ряд других изменений в тексте произведения. Одним из примеров связанных вариантов исследователь назвал имена собственные [см.: Томашевский 1928: 90]. Действительно, имена собственные играют важную роль в художественном мире романа Сологуба. В «Творимой легенде» можно обнаружить два основных типа наименований: во-первых, отсылающие к другим произведениям русской и мировой литературы и включающие роман в игру с предшествующими текстами; во-вторых, имеющие значение только для сюжета трилогии. В случае с первой группой задача исследователя ясна — установить источник заимствования и проследить, как работает имя в новом контексте. Но нас интересует вторая, имеющая большее значение в рамках самого романа, группа.

¹ Подробнее об истории изданий см.: Сысоева 2010.

Писатель крайне редко дает персонажам говорящие имена с легко понятным значением. Например, недоброжелатель главного героя Триродова, связанный с темной историей из его прошлого и потому идущий на шантаж, назван только по фамилии, Остров. Согласно словарю фамилий, она возводится к прилагательному (в)острый, которое имело значение «быстрый, ловкий, проворный, задорный» [Ганжина 2001: 114]. У Даля приведено значение «резкий, колючий» [Даль 1863—1866: 1282]. Действительно, Остров быстро приобретает выгодные связи и понимает, как повернуть ситуацию в свою пользу, но вряд ли именно этот набор определений полно характеризует авантюриста без моральных принципов. Фамилия созвучна слову «острог», и этот смысл отсылает к преступной деятельности персонажа. Омографична она обозначению части суши — острова. Убедительный довод в пользу одной из интерпретаций дает обращение к раннему этапу работы над текстом — работе на карточках. Именно тогда закладывалась система персонажей, они получали имена. При сопоставлении с первым вариантом фамилии — Лунев — мы видим, что в наименовании персонажа зашифрована конечная точка маршрута Триродова. Дело в том, что первоначально главный герой, который и в первой, и во второй редакции улетел из России на своей оранжерее — воздушном корабле — в государство Соединенных Островов, согласно черновым материалам, собирался отправиться на луну. Более того, на карточках сохранились наброски не включенного в опубликованный текст описания неудавшегося полета:

Бегство в воздух и выше.

<На земле — казнь>²

<Эффект превращения оранжереи в землю.>

События в пути.

Случайные гости Триродова вели себя буйно. То и дело предъявляли требования

² Здесь и далее в цитатах в угловые скобки заключен зачеркнутый текст, пустой строкой обозначен конец записи на карточке.

Оранжея носилась высоко над землю. Казалось, что на ее небе вечно светит луна, — земля.

— Мы не удаляемся? — спросила Елисавета.
— Нет, — сказал Триродов, — мы вернемся на землю.

— С ними? на луну? Но это же невозможно. С этими истеричными натурами нельзя строить нового мира. Нашу земную психопатию не следует переносить под новые небеса [РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 538].

Фамилия Лунев была заменена на Остров, и Триродов с Елисаветой и укрывавшимися в его доме от гнева толпы революционерами, пытаясь избежать неминуемой смерти, отправился на острова, в страну королевы Ортруды. Наличие первоначального варианта фамилии, Лунев, служит подтверждением тому, что сюжет с полетом на луну, оставленный в трилогии только в планах главного героя, был вполне вероятным и альтернативным вариантом развития событий; а также расширяет наше представление о значении образа Острова в художественном мире трилогии: в фамилии шантажировавшего Триродова шпиона, связанного с социальными силами, которые чуть не убили главного героя, зашифровано спасительное для Триродова место, куда он бежал на воздушном корабле. Отметим, что шпион до начала действия романа имел с Триродовым общие дела. Так, он оказывается связан с прошлым героя, но в его фамилии заложен намек на будущее.

Обращение к правке в черновых материалах романа позволяет прояснить и смысл фамилии провокатора, жившего от одной аферы до другой, отравленного Триродовым по поручению революционеров и превращенного им в призму, — Матова. Фамилия восходит к имени родоначальника — Матвея [см.: Федосюк 1996: 146]. Но такая этимология вряд ли может прояснить характер персонажа или его функцию в трилогии. В черновиках сохранился первый вариант фамилии героя, Фортунин. Она не встречается в ономастических словарях и явно создана Сологубом искусственно, скорее всего, для того, чтобы подчеркнуть, что персонаж склонен полагаться на судьбу, переменчивость которой

отражает, например, состояние его имения, Просяных Полян: они «постоянно переходили от периода богатства и расточительности в полосу полного безденежья и оскудения» [Сологуб 1914: 71]. Удачливость и ловкость позволяли герою регулярно получать богатые наследства, так что «фортуна» в фамилии может пониматься в двух смыслах — судьбы и удачи. Второй и окончательный вариант наименования, Матов, в этом контексте может читаться как образованный автором от слова «мат», означающего проигрыш. Увлечение Сологуба шахматами и привнесение мотива шахматной игры в другие прозаические произведения³ придает такой интерпретации высокую степень вероятности. Игра героем действительно проиграна, в трилогии он бездействует, поскольку существует в виде призмы на столе Триродова.

В рамках изучения небольших, но значимых изменений, необходимо рассмотреть не только имена собственные, но и правку названий, которые стоят в «сильных» позициях текста, и потому, даже не образу связанные варианты, влияют на восприятие произведения в целом.

Первый вариант названия романа — «Наследие королевы Ортруды» — в черновиках предпослан фрагменту, вошедшему в состав первой главы ранней редакции и второй главы поздней. Следовательно, замысел обратиться к образу королевы Ортруды существовал с самого начала. Под наследием могло пониматься оставшееся после гибели королевы государство, наделенное в романе утопическими чертами. Наличие такого замысла делает неслучайным то, что в поздней редакции второй роман трилогии, «Королева Ортруда», все действие которого происходит на пространстве Соединенных Островов, — самый объемный. Все сюжетные линии в нем выписаны детально, нет ни одной незавершенной, в отличие от повествования, связанного с Триродовым и Россией. Следующий вариант названия, «Навыи следы», был надписан над зачеркнутым «Наследие королевы Ортруды». «След» является однокоренным словом «наследию», такая связь словоформ может свидетельствовать о преемственности назва-

³ Подробнее об этом см.: Зубарев, Павлова 2010: 110—111.

ний. Прилагательное же «навий» происходит от слова «навь», т. е. мертвец [см.: Даль 1863—1866: 981], и значение это применимо для характеристики как Триродова, имеющего власть над миром мертвых хозяина Навьего двора, так и королевы Ортруды, которая видит в неизбежной гибели близких ей людей свой путь к смерти. Так, посредством заглавия объединяются главные герои первой и второй части и обе страны, в которых разворачивается действие трилогии.

Следующее название роман получил в ранней редакции, это «Навь чары». Название близко предыдущему варианту, но преемственная связь с самым первым из-за отсутствия слова с корнем «след» нарушена. Мистическая же составляющая семантики сохранилась и даже усилилась: «чары» связаны с колдовством.

Поздняя редакция получила название «Творимая легенда». И это изменение не является единичным, оно стоит в ряду однотипной правки, призванной смягчить мистицизм содержания в движении текста от допечатной стадии к поздней редакции. Мистический элемент был связан главным образом с фигурой Триродова. Согласно черновикам романа, главный герой мог читать мысли людей и даже животных, превращаться в ребенка и пр. Эти его навыки не упоминаются в печатных версиях. Некоторые загадочные способности Триродова сохранились в ранней редакции, но в поздней они либо не названы, либо переданы другим персонажам, либо получили видимость научного объяснения. Кроме того, в ранней редакции детальнее описан диалог Триродова и князя Давидова, олицетворяющего в романе Христа⁴. Записи на карточках останавливаются подробнее и на самом идеологическом оппоненте Триродова:

<— Какой он старый!>

Эммануил Осипович Давидов.

<СПб. Троицкая 2.>

⁴ Подробнее о князе Давидове в связи с религиозными исканиями Мережковских см.: Баран 1993: 218—219.

<В лице — ясно выраженный еврейский тип, смягченный <отблес> отсветами общечеловеческой мысли.> Скорбная черта слегка опущенных в углуб губ [РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 533: 777, 788, 795].

В описываемый в романе период адрес «Троицкая 2» могли иметь три места в Петербурге. На Троицкой улице располагался доходный дом Д. И. Филиппова с кондитерской-кофейней (современный адрес: Невский пр., 45; ул. Рубинштейна, 2). В городе были (как и в современном Петербурге) две Троицких площади, на каждой стоял Троицкий собор. Предполагаем, что имеется в виду Троицкая площадь на Петербургской стороне: там находилась одна из первых церквей Петербурга; в ней Петру I был присвоен титул императора. После того как храм сгорел, на площади начали проводить смертные казни. Именно такое место с богатой историей скорее было бы выбрано для жизни религиозного деятеля. Малая детализация образа князя в поздней редакции способствовала сглаживанию сверхъестественных черт главного героя.

Подобные перемены происходят и с образом Кирши, сына Триродова: если в ранней редакции персонаж пугал своим поведением невесту отца, Елисавету, знал о тайных ходах и причислял себя к тихим детям, неживым, но и не мертвым, то в поздней он уже может восприниматься как обычный ребенок. По словам С. Рабиновича, дети в романах Сологуба воплощают идеал, к которому стремится главный герой [см.: Rabinowitz 1980: 90], в своем исследовании Рабинович отмечает и пару Триродов — Кирша. То, что изменения персонажей идут в одном направлении, подтверждает их неслучайность и значимость.

Планомерное сокращение мистического начала проявилось не только в работе над характеристиками персонажей, но и в отбрасывании некоторых линий сюжета.

Среди подготовительных материалов к роману обнаруживаем и сведения из индийской философии — описание сфер мира:

Сферы:
физическая
астральная
ментальная
буддизма — недоступная
нирваны
шестая
седьмая и
сфера начала всех начал [РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 537].

Такое же перечисление сфер можно найти книге брахмана Чаттерджи «Сокровенная религиозная философия Индии» [см.: Чаттерджи 1906], изданной в 1906 г. В описании библиотеки Сологуба книга не указана [см.: Шаталина], но это не означает, что писатель с ней не был знаком. В двух имеющихся в библиотеке книгах по индийской философии [см.: Мюллер 1901; Седир 1909] нет столь точных совпадений с текстом карточек.

Кроме того, в черновых записях Сологуба сохранилось описание схемы тел человека:

Три Я человека:
физическое, - растительное.
астральное, - животное, лично-психическое.
ментальное, - духовное [РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 537].

Как видим, названия пересекаются с обозначением сфер мира. И к подобному же делению прибегает Триродов, предлагая Елисавете отдать земные тела властям, мотивируя это тем, что астральные сохранятся. О выделении трех тел человека речь идет в труде «Оккультизм и магия», который хранился в библиотеке писателя [см.: Тухолка 1907]. Предложение Триродова связано с развитием альтернативной версии сюжета, в которой герои не успевают улететь от разбушевавшейся толпы на луну или в государство Соединенных Островов, но умирают или подвергаются аресту (возможно, избежав погрома: сыщики активно наблюдают за Триродовым, согласно опубликованному тексту, и до поджога его усадьбы, следовательно Кропин собирает все

возможные улики для мотивации ареста). Елисавета не захотела расстаться с земными телами, и Триродов нашел другой выход, уже не связанный с индийской философией:

Триродов творит аспект Елисаветы и свой.
Триродов оставляет на земле свой грубый аспект палачам.
и аспект Елисаветы

Два грубые подобия, — но довольно тонкие, чтобы обмануть людей
<с> металлических пуговиц и анилиновых чернил, — дремали на кроватях.

Триродов <мож> сказал:
— Кропин может их арестовать. И пускай их вешают.
Тихо сказала Елисавета:
— Догадуются, что это автоматы.

— Нет, не догадуются, — сказал Триродов. — Ты и сама не узнала бы.
Хочешь заговорить с ними.

— Нет, нет! — в ужасе сказала Елисавета. — Уйдем отсюда» [РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 537].

Карточки с описанием сцены казни хранятся отдельно, так что, возможно, в следующем фрагменте казнят не аспекты тел, а самих героев:

Триродов и Елисавета приговорены к казни

Триродова и Елисавету ведут на казнь.

Повесили Триродова.

<Казнь Триродова> и Елисаветы.
Повешены [РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 532: 177—180].

Но Триродова избрали королем Островов, и его смерть обесценивала утопическую составляющую романа, поскольку именно Триродов оказывается гарантом проведения эксперимента по созданию нового человека и нового общества. Да и обладающий множеством сверхъестественных способностей, властвующий над мертвыми персонаж вряд ли мог так просто умереть.

Создание копий тел, рассуждение о трех «я» человека были в духе насыщенной мистическими деталями допечатной стадии истории текста, позже Сологуб отказался от подобного развития сюжета в пользу более реалистичного, и казнь героев не состоялась.

Таким образом, исследование даже формально незначительной правки (изменение имен двух второстепенных персонажей и названия произведения) на ранней стадии работы с текстом, а также небольших не включенных в печатный текст фрагментов может иметь большое значение и прояснить замысел романа. Обращение к черновым материалам позволило восстановить отвергнутые сюжетные линии (путешествия на луну и казни героев) и проиллюстрировать то, как важная тенденция правки (сокращение мистической составляющей текста) проявилась на разных уровнях (детализации образов героев и описании событий).

СОКРАЩЕНИЯ

Баран 1993 — Баран Х. Триродов среди символистов: по черновикам «Творимой легенды» Федора Сологуба // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 211—233.

Ганжина 2001 — Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.

Даль 1863—1866 — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: В 4 ч. М., 1863—1866. Ч. 2.

Зубарев, Павлова 2010 — Зубарев Д., Павлова М. Об одном анонимном некрологе Федора Сологуба // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: Материалы IV Международной научной конференции / Сост. М. М. Павлова. СПб., 2010. С. 110—122.

Мюллер 1901 — Мюллер М. Шесть систем индийской философии. М., 1901.

Седир 1909 — Седир П. Индийский факиризм. СПб., 1909.

Сологуб 1914 — Сологуб Ф. Творимая легенда. Роман. Часть первая. Капли крови // Сологуб Ф. Собрание сочинений.

СПб., 1914. Т. 18.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы.

РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 532 — Сологуб Ф. Материалы к роману «Творимая легенда».

РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 533 — Сологуб Ф. Творимая легенда (Навыи чары). Материалы к роману: конспекты глав, характеристики героев и пр. на карточках.

РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 537 — Сологуб Ф. Материалы к рассказам (наброски, конспекты, канва).

РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 538 — Сологуб Ф. Материалы к стихотворениям, художественной прозе, статьям, заметкам и т. д.

Сысоева 2010 — Сысоева А. В. История прижизненных изданий романа Федора Сологуба «Творимая легенда» // Русская литература. 2010. № 2. С. 61—68.

Томашевский 1928 — Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. [Л.], 1928.

Тухолка 1907 — Тухолка С. Оккультизм и магия. СПб., 1907.

Федосюк 1996 — Федосюк Ю. А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1996.

Чаттерджи 1906 — Чаттерджи. Сокровенная религиозная философия Индии. Калуга, 1906.

Шаталина — Рукописный отдел Института русской литературы. Читальный зал. Библиотека Ф. Сологуба (описание) / Сост. Н. Н. Шаталина.

Rabinowitz 1980 — Rabinowitz J. S. Sologub's Literary Children: Keys to a Symbolist Prose. Columbus (Ohio), 1980.